

Фулье Альфред

Темперамент и характер

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 316
ББК 60.5
А59

А59 **Альфред Ф.**
Темперамент и характер / Фулье Альфред – М.: Книга по Требованию, 2023. – 343 с.

ISBN 978-5-521-28784-0

ISBN 978-5-521-28784-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

I.

Одной изъ причинъ, заставлявшихъ долгое время пренебрегать теоріей характеровъ, было то обстоятельство, что послѣ Локка или даже Гоббса въ Англіи и во Франціи послѣ Кондильяка и Гельвеція эмпирическая психологія исходила изъ того предположенія, что вначалѣ всѣ индивиды одинаковы въ умственномъ отношеніи. Предполагалось, что всѣ причины, приводившія къ различію между отдѣльными личностями, происходили изъ внѣшнихъ обстоятельствъ, путемъ опыта и воспитанія. Ст. Милль полагалъ еще, что черты всякаго частнаго типа можно объяснить отдѣльными обстоятельствами: «и только остатокъ, если вообще существованіе его можетъ быть доказано, * могъ бы быть отнесенъ на счетъ врожденныхъ предрасположеній». Здѣсь мы видимъ остатокъ тѣхъ теорій XVIII вѣка, согласно которымъ люди, почти не отличающіеся другъ отъ друга въ естественномъ своемъ состояніи, подраздѣлились только подъ вліяніемъ физической и общественной среды. Стюартъ Милль и его предшественники составили себѣ невѣрное представление о психологіи. Наука эта хорошо объясняетъ намъ, какимъ образомъ функционируетъ умъ, разъ даны ему способности; она можетъ намъ даже указать, какимъ образомъ данный характеръ видоизмѣняется; но происхожденіе нашихъ способностей а поэтому и нашего характера слишкомъ глубоко для того, чтобы мысль могла его освѣтить. Индивидуальность заключается въ себѣ нѣчто органическое, генезисъ котораго

психологическіе законы объясняютъ не болѣе того, чѣмъ общіе законы фізіологіи объясняютъ сами по себѣ особенныя черты у Петра или Павла. Для того, чтобъ отдать себѣ отчетъ въ особенностяхъ физической и нравственной организаціи, необходимо было бы проникнуть въ тайны сочетанія зародышей и развитія плода. Разложить картину Рафаэля на ея составныя части не значитъ объяснить самую картину. Точно также и отвлеченная общая психологія, различающая въ человѣческихъ личностяхъ ихъ общія составныя части, не объясняетъ того, что въ каждомъ есть индивидуальнаго. Сложныя соединенія всегда представляютъ собою нѣчто иное, чѣмъ простую сумму составляющихъ ихъ частей. Общая психологія, какъ замѣтилъ это Рибо, изучаетъ только отвлеченные законы, психологія характеровъ изучаетъ *типы*, являющіеся въ результатѣ частнаго сочетанія общихъ законовъ и служить для классификаціи *индивидовъ*. Она занимаетъ среднее мѣсто между двумя крайними понятіями: общаго и индивидуальнаго.

Характеръ, отличительный признакъ индивида, есть относительно единственная и постоянная манера чувствовать, мыслить, желать. Одно и то же побужденіе, одна и та же причина, напримѣръ видъ опасности, мысль о чести или безчестіи вызоветъ различную реакцію со стороны различныхъ индивидовъ, подобно тому какъ лучъ свѣта, падая на тѣло непрозрачное, отражается имъ, а падая на прозрачное тѣло, поглощается послѣднимъ. Мысль о власти, заставляющая Бонапарта странствовать по свѣту, не сдвинетъ съ мѣста Лапласа. Для того, чтобы хорошо познать характеръ личности, слѣдовало бы знать, какъ отвѣтитъ на всевозможныя побужденія его разумная воля, въ силу его природнаго и приобрѣтеннаго умѣнья ориентироваться. Такимъ образомъ характеръ есть общее направленіе, принятое волей, которое заставляетъ ее реагировать извѣстнымъ образомъ на того или другого рода впечатлѣнія, причины и побужденія.

Всѣ люди обладаютъ врожденнымъ характеромъ, въ которомъ можно различать двѣ части. Прежде всего есть извѣстный запасъ склонностей, которымъ выражается общая, свойственная организму, манера проявлять свою жизнь, своеобразность функций, тонъ, значеніе и направленіе его жизненной энергіи: это именно то, что мы подразумѣваемъ подъ темпераментомъ. И, во-вторыхъ, врожденный характеръ заключаетъ въ себѣ такія черты, которыми выражается относительное значеніе извѣстныхъ отдѣльныхъ органовъ: это спеціальныя потребности и спеціальныя способности. Нашъ, врожденный характеръ—это нашъ организмъ, какимъ онъ представляется изнутри, организмъ же нашъ—это нашъ врожденный характеръ, разсматриваемый извнѣ. Определенное строеніе нашего мозга и нашихъ органовъ обусловливаетъ готовность ихъ къ извѣстнаго рода движеніямъ, подобно тому какъ стрѣла стремится улетѣть съ натянутого лука въ силу извѣстнаго строенія лука и отношенія послѣдняго къ натягивающей его тетивѣ. Мы уже заранѣе приспособлены къ однимъ побужденіямъ, а не къ другимъ. Подъ нашимъ психическимъ обликомъ скрывается обликъ физическій. Такимъ образомъ основанія нашей нравственной индивидуальности скрываются въ глубинѣ нашего организма.

Въ свою очередь, что представляетъ собой организмъ, какъ не собраніе болѣе мелкихъ, обладающихъ самостоятельною жизнью организмовъ и слѣдовательно общество? Наше индивидуальное «я» составляется именно суммой элементовъ, изъ сочетанія которыхъ мы стоимъ. То, что мы обозначаемъ какъ нашу личную природу, является уже помимо какихъ-либо человѣческихъ отношеній прежде всего природой общественной, слѣдствіемъ взаимныхъ отношеній нашихъ органическихъ составныхъ частей. Когда рѣчь идетъ о народѣ, трудно свести народную волю къ образу мыслей и волѣ правящаго класса, каково бы ни было вліяніе этого послѣдняго на народное правленіе: слѣдуетъ еще принять во вниманіе ту скрытую, но могуще-

ственную силу побужденія или сопротивленія, которая присуща массѣ. Эта сила подобна той, которую проявляютъ физическое сложеніе и темпераментъ, обуславливающіе самыя высокія проявленія нашего ума и нашей воли. Подобно несложному, повидимому, тембру инструмента, врожденный характеръ является сочетаніемъ чувствъ и побужденій: онъ является выраженіемъ коллективныхъ чувства и воли; т.-е. выраженіемъ той суммы чувствованій и побужденій, которыя уже ранѣе свойственны всей совокупности нашихъ клѣтокъ. А эти послѣднія, съ своей стороны, своимъ собственнымъ строеніемъ обязаны наслѣдственности. Почему одинъ человѣкъ является дѣятельнымъ, а другой лѣнивымъ, — одинъ раздражительнымъ, а другой инертнымъ? Почему мысль о власти, опьяняющая Кромвеллей, не волнуетъ совершенно Ньютоновъ? Конечною причиною нашихъ естественныхъ чувствованій является, какъ мы видѣли, унаслѣдованное устройство нашего тѣла, въ связи съ частностями строенія отдѣльныхъ, составляющихъ его органовъ и, главнымъ образомъ, мозга. *Mens agitat molem*, сказалъ поэтъ; ему отвѣтили, что еще вѣрнѣе будетъ сказать: *mens agitur mole*.

Природные задатки нашего характера, оставаясь такимъ образомъ внѣ нашего сознанія, не могутъ быть постигнуты нами непосредственно. Сознаніе освѣщаетъ ясно и отчетливо все, что въ насъ еще недостаточно *организовано*, какъ выражается Спенсеръ, недостаточно *систематизировано*, чтобы функционировать самостоятельно; все же наиболѣе организованное и имѣющее надъ нами наибольшую власть вмѣстѣ съ тѣмъ и наименѣе нами сознаваемо: оно является результатомъ унаслѣдованнаго нами темперамента, затѣмъ привычекъ, приобретенныхъ нами и переданныхъ всѣмъ тѣмъ маленькимъ живымъ единицамъ, изъ которыхъ состоитъ нашъ организмъ. Отсюда и иллюзіи всѣхъ людей на счетъ ихъ собственной свободы, пока эта послѣдняя не подвергнута испытанію; на счетъ ихъ мужества, когда мужество это не поставлено лицомъ къ лицу съ

опасностью; на счетъ ихъ великодушія, когда они не имѣли еще случая принести жертву; на счетъ ихъ цѣломудрія, пока они еще не были «искушаемы». Мысли, чувства, даже самые поступки, особенно каждый изъ нихъ въ отдѣльности, не всегда могутъ служить истиннымъ выраженіемъ основного характера, организованнаго «я», такъ какъ внѣшняя среда и обстоятельства могутъ держать въ скрытомъ состояніи такія побужденія, которыя рѣзко проявились бы въ совершенно другой средѣ. Нужны дни, мѣсяцы, годы, чтобы развить и вполне вѣрно обнаружить все то, что скрыто въ глубинѣ нашего характера; не потому, чтобы онъ представлялъ собою, согласно выраженію Канта, «я», стоящее выше времени и пребывающее внѣ его, но скорѣе потому, что онъ представляетъ извѣстную сумму напряженныхъ силъ, которая время скопило въ организмѣ. Дерево могло бы, пожалуй, различать свою кору, свои листья, свои цвѣта и даже плоды, *характеризующія* его, но развѣ могло бы оно сосчитать внутренніе слои своего ствола, развѣтвленія своихъ безчисленныхъ корней, являющихся, въ свою очередь, слѣдствіемъ столь же безчисленныхъ его предшественниковъ, давшихъ тотъ зародышъ, который въ немъ распускается, развивается и готовитъ новые ростки?

Вотъ именно поэтому, а не по тѣмъ мистическимъ причинамъ, на которыя указываютъ Шопенгауэръ и Гартманъ, свойства наши безсознательны, почти недоступны опредѣленію, развѣ только посредствомъ опыта, именно въ томъ случаѣ, когда мы смотримъ на свои поступки—какъ на поступки посторонняго человѣка. Бываютъ минуты, когда мы безмолвно и неподвижно слѣдимъ затѣмъ, что дѣлаетъ этотъ другой, незнакомый, который есть однако не кто иной, какъ мы сами, наше органическое, первичное «я»: это бываетъ прежде всего въ минуты внезапныхъ волненій, когда нѣтъ времени для размышленія, когда реакція наступаетъ раньше даже, нежели она доходитъ до нашего сознанія. А затѣмъ это бываетъ въ извѣстные критическіе

моменты, когда вслѣдъ за слишкомъ сильными волненіями наступаетъ нравственное оцѣпенѣніе, когда воля какъ бы уничтожена, умъ остается безразличнымъ, когда, наконецъ, мы, не имѣя уже никакихъ желаній, чрезвычайно удивлены, замѣтивъ, что мы совершаемъ еще тѣ или другія дѣйствія; въ этихъ случаяхъ смотришь на себя какъ на чужого и, что еще важнѣе, какъ на такого чужого, о которомъ и не подозрѣвалъ. Въ концѣ концовъ однако жизнь приводитъ насъ къ извѣстному представленію о себѣ самихъ; но «я», познанное такимъ образомъ, есть очень часто только воображаемое „я“, построенное на нашихъ воспоминаніяхъ: это — тѣнь нашего прошлаго. Въ такомъ случаѣ наши *размысленія* о насъ самихъ, въ дѣйствительности, являются только мечтаніями въ поискахъ за самимъ собою. И эти мечтанія, въ свою очередь, являются переживаніемъ смутныхъ чувствъ и смутныхъ впечатлѣній, въ которомъ, какъ во снѣ, подводятся итоги нашей прошлой жизни. Сократовское правило: «познай самого себя» — для каждаго изъ насъ является самой трудною задачею для разрѣшенія. Родникъ никогда самъ не можетъ видѣть себя цѣликомъ въ лучахъ солнца, которые однако одни дѣлаютъ его видимымъ; онъ можетъ только замѣтить волну даннаго момента, которая протекаетъ дальше и не исчерпываетъ его.

II.

До сихъ поръ работы, посвященныя изученію характеровъ, были по преимуществу описательнаго свойства: эмпирическія опредѣленія, подраздѣленія и классификаціи занимали въ нихъ первое мѣсто. Мы полагаемъ, что наступило время привести все въ систему и объяснить такъ, чтобы, если это только возможно, установить первыя основанія научной теоріи. Методъ, которымъ пользуется наука о характерахъ, долженъ быть не только индуктивнымъ, но и дедуктивнымъ. Нужно будетъ, несомнѣнно, воспользоваться пріобрѣтеннымъ опытомъ, наблюденіями всѣхъ тѣхъ, которые занима-

лись изученіемъ челоуѣка, начиная съ психологовъ и моралистовъ и кончая историками, статистиками, криминалистами, и въ то же время воспользоваться наблюденіями физиологовъ и врачей. Но мы никогда не выберемъ изъ хаоса фактовъ, не откроемъ ихъ внутренней связи и смысла, если не прибѣгнемъ къ дедуктивному методу, опираясь на общіе законы физиологіи и психологіи, двухъ наукъ, назначенныхъ если не слиться между собой, то, по крайней мѣрѣ, «прислушиваться» одна къ другой.

Мы желали бы, чтобъ одно понятіе проникло въ науку о характерахъ какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлыхъ народовъ, — это именно понятіе объ эволюціи. Нашъ характеръ образуется изъ послѣдовательныхъ наслоеній. Первое изъ нихъ обязано своимъ происхожденіемъ расѣ, второе основному дѣленію на помы, которое, какъ мы увидимъ, имѣетъ не только біологическое, но и психологическое значеніе. Затѣмъ послѣднее наслоеніе является слѣдствіемъ личнаго сложения даннаго субъекта и собственнаго его темперамента. Вотъ какимъ образомъ установился, благодаря всѣмъ этимъ отложеніямъ во времени, врожденный характеръ, являющійся въ данную минуту результатомъ длинной эволюціи въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ. Но врожденный характеръ самъ по себѣ является только исходной точкой для новой эволюціи, совершаемой самимъ индивидомъ и выражающейся въ пріобрѣтенномъ характерѣ. Наконецъ, этотъ послѣдній отчасти пріобрѣтается пассивно, подъ внѣшнимъ вліяніемъ природы или общества, но онъ можетъ также быть пріобрѣтенъ и активнымъ образомъ — черезъ воздѣйствіе ума и воли на природныя свойства. По нашему мнѣнію, преимущественно это-то личное воздѣйствіе и составляетъ собственно *характеръ*, въ противоположность темпераменту и врожденнымъ свойствамъ. Эти послѣднія выражаются у насъ преимущественно въ манерѣ понимать свое счастье, характеръ же нашъ выражается, главнымъ образомъ, въ нашихъ поступкахъ.

Мы полагаемъ поэтому, что наука о характерѣ должна заключать въ себѣ двѣ части: одну—аналогичную тому, что называется статикой или наукой объ условіяхъ равновѣсія, и другую—аналогичную динамикѣ, которая изучаетъ движеніе и развитіе. Общій темпераментъ съ одной стороны, а съ другой стороны строеніе специальныхъ органовъ—составляютъ, такъ сказать, статику характера, потому что они обуславливаютъ извѣстное состояніе равновѣсія, которое при обычныхъ условіяхъ остается болѣе или менѣе устойчивымъ. Но окружающая насъ среда, физическая и общественная, а затѣмъ въ насъ самихъ вліяніе ума и воли представляютъ средства нашего развитія, «динамику» характера. Этотъ послѣдній всегда имѣетъ склонность подвергаться частичнымъ перемѣнамъ; самое представленіе, которое мы составляемъ себѣ о нашихъ природныхъ свойствахъ, можетъ повести къ ихъ перемѣнѣ въ лучшую или въ худшую сторону, въ зависимости отъ того, насколько мы самимъ себѣ представляемся дурными. Нравственный обликъ болѣе измѣнчивъ, нежели обликъ физическій, который измѣняется только подъ вліяніемъ длиннаго ряда годовъ; понятіе о лучшемъ служить для насъ средствомъ къ осуществленію лучшаго. Будучи измѣнчивы, мы свободны, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, которое не предполагаетъ никакого индетерминизма, а, напротивъ, очень гибкій и прогрессивный детерминизмъ. Нашъ характеръ въ данную минуту не исчерпываетъ насъ всецѣло, также какъ и наше настоящее желаніе и нашъ настоящій поступокъ: мы представляемъ собой въ нѣкоторомъ родѣ „будущее“, которое само собой безпрестанно измѣняется въ зависимости отъ того представленія, которое оно имѣетъ о себѣ, о своей исходной точкѣ и о своей конечной цѣли. Однимъ словомъ, человѣкъ не сформированъ заранее, онъ самъ себя формируетъ: таково ужъ свойство его природы, что онъ постоянно можетъ пополнять эту послѣднюю.

III.

Этимъ именно и объясняются, что бы ни говорили фанатическіе приверженцы наслѣдственности, могущественное вліяніе воспитанія и сила идей. Не то чтобы воспитаніе могло измѣнить физическій или даже психическій темпераментъ, но оно можетъ извлечь изъ него, въ случаѣ, впрочемъ, если онъ нормаленъ, все то хорошее, что онъ только можетъ дать по своей природѣ. Какъ бы слабо и слегка ни дѣйствовала капля воды, она все же подтачиваетъ препятствіе. Вліяніе ума, какъ мы надѣмся это показать, является главнымъ, также какъ и вліяніе воли и чувствованія; болѣе того, оно постоянно повторяется; если оно съ перваго раза не проявляетъ достаточной силы, то недостатокъ этотъ возмѣщается временемъ. Особенности темперамента и сложенія служатъ только матеріаломъ для «пытливой» дѣятельности ума, который въ концѣ-концевъ все распредѣляетъ сообразно съ извѣстными идеями, принятыми за цѣль. И такъ какъ большинство этихъ цѣлей, вмѣсто того чтобы быть безразличными, имѣютъ нравственное значеніе, то и характеръ является, съ этой высшей точки зрѣнія, какъ бы порядкомъ цѣлесообразности, или, по выраженію Эмерсона, «нравственнымъ порядкомъ», введеннымъ въ природу индивида вліяніемъ его разумной воли. Вотъ это-то вліяніе мы и стараемся освѣтить въ нашей книгѣ. •

Нравственность не требуетъ, чтобы каждый человѣкъ походилъ на всякаго другого и дѣйствовалъ точно такимъ же образомъ; она требуетъ, чтобы каждый культивировалъ свой собственный характеръ и улучшалъ его по мѣрѣ своихъ способностей. Мы заключаемъ въ себѣ опредѣленную тему, наше физическое и умственное сложеніе; но сколько варіацій на эту тему, однихъ — полныхъ гармоніи, и другихъ — нестройныхъ! И въ нашей власти измѣнять самую тему, болѣе того — измѣнять даже инструментъ. Скрипка великаго мастера

пріобрѣтаетъ цѣну въ его рукахъ и въ зависимости отъ его желанія. Отъ насъ зависитъ заставить нашу природу вибрировать согласно самымъ стройнымъ гармоніямъ и самое ее сдѣлать гармоничной.

Теорія Шопенгауэра и его послѣдователей относительно неизмѣняемости характеровъ привела бы ни болѣе, ни менѣе какъ къ отрицанію пользы нравственности, оставляя ее развѣ для людей посредственныхъ; люди хорошо закаленные не нуждались бы въ ней: она годилась бы только для «аморфныхъ» и «неустойчивыхъ». Мы, напротивъ, увидимъ, что она необходима всѣмъ, и что самое широкое пониманіе нравственныхъ и соціальныхъ вопросовъ, способствуя постоянной эволюціи характера, какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и расъ, способствуетъ въ то же время и все возрастающему прогрессу самой нравственности.
